жанров делали их независимее от литературного «этикета», от условности «плетения словес», обильной и обязательной символики. В изображение отрицательных черт в поведении человека с особой силой вторглась реальная жизнь.

Авторы поучений и афоризмов на темы «человековедения» зачастую не ограничивались высказыванием той или иной оценки или обращенным к читателю-слушателю призывом выполнять определенные требования, но стремились придать этим оценкам и призывам наиболее доходчивую и впечатляющую форму. Для этого использовались бытовые сопоставления или противопоставления, иногда развертывавшиеся в целые картины, яркие выразительные метафоры. Сама форма таких «человековедческих» эпизодов привлекала к ним внимание, закрепляла их в литературном языке и делала возможным их перенесение в другие литературные и деловые жанры, а иногда и в круг народных по происхождению пословиц.

Краткий, отточенный афоризм, обобщающий жизненные наблюдения и среди них те, которые прямо раскрывают характеры людей и их взаимоотношения, иногда оказывался настолько впечатляющим и по точности смысла, и по своей выразительной форме, что выдерживал испытание временем и сохранялся в живом употреблении до наших дней. Таковы, например, суждения, собранные в Пчеле: «Не место добродетели, но добродетель место может украсить» (Златоуст, стр. 3), «Копали яму под ближним своим въпадется в ню» (Соломон, стр. 47), «Друг верен — кров крепок» (Сирах, стр. 55), «Всем угодити — люто есть» (Сократ, стр. 65), «Имения многа детям безумным не пользуют» (Клитарх, стр. 133), «Уча учи нравом, а не словом» (Богослов, стр. 148), «Не сыпати бисера пред свиньями» (Плутарх, стр. 158), «Наказание корение имеет горко, а плод сладок» (Демокрит, стр. 168), «Не больного может ицелити златая кровать, ни несмыслену на ползу слава и богатство» (Плутарх, стр. 176) и т. д.

Подобные афоризмы часто имеют двучленное строение: одна часть их представляет тот или иной конкретный бытовой образ, другая — сопоставляемое с ним психологическое наблюдение; так, например, в Пчеле: «Конья хытрость на рати знаеться, а друг верен у беды» (Плутарх, стр. 60), «Злато огнем испытается, а друг житийскими напастями» (Исократ, стр. 62), «Лют конь уздою въздержитъся, а скор гнев умом обуздается» (Плутарх, стр. 187), «Ни птици упущены скоро можеша опять яти, ни слова, из уст вылетевъша, възвратити можеша и яти» (Плутарх, стр. 195), «Злаго мужа молчания блюдиша, якоже отаи хитающего пса» (Сократ, стр. 198), «Яко моль ризе и червь древу, тако и печаль мужеву пакоститъ сердце» (Соломон, стр. 251), «Пути ищи равна, житья же несмущенна и беспечальна» (Плутарх, стр. 253), «Тать ненавидитъ солныца, а гордыи кроткаго» (Лествичник, стр. 280) и т. д.

Афоризм в Пчеле нередко строится на сравнении двучастно по типу «Уне—неже», «Луче—неже», «горьчае—неже», «боле—неже»: «Горьчае языком попользнути, нежели ногами» (Нил, стр. 308), «Уне есть ногами потъкнутиша, нежели языком» (Клитарх, стр. 309), «Ушима боле требуи, неже языком» (Димонакс, стр. 309), «Испытай себе больма, нежели ближних» (Богослов, стр. 341), «Зла житья луче смерть» (Менандр, стр. 409), «Уне хлеб с сладостью в мире, нежели дом, исполнен многим добром, рать имея» (Соломон, стр. 411), «Брань славна лучьши есть мира скудъна» (Димостен, стр. 412), «Уне жити в пустыни и с змиєю, неже жити с женою лукавою и язычною» (Соломон, стр. 418) и т. д.

В условиях средневекового общества сложились изречения, надолго пережившие феодальную Русь: «Богатым вси человеци друзи», «При